

Теплые струи воды смыли липкую усталость. Водонагреватель наконец издал предупреждающий низкий гул, сигнализируя о нехватке горячей воды. Ли Жун, опираясь на стену и волоча уставшее, ноющее тело, отошел туда, куда не долетали брызги, стащил полотенце и принялся вытираться.

На его коже еще алели едва заметные отметины, которые в мягком свете и капельках воды выглядели особенно притягательно. Юноша плотно обернулся мягким махровым полотенцем, скрывая все следы недавней страсти.

Его кадык дернулся. Ли Жун с довольным видом закинул голову и прищурился, позволяя влажным прядям прилипнуть к лицу. Капли воды сбегали по плечам, скользили по крепкой спине к гибкой талии и бесследно исчезали в ворсе полотенца.

Он уже давно не чувствовал себя таким наполненным и умиротворенным. Несмотря на то что в такой позе тело изрядно вымоталось, это были пустяки — в свои годы он восстанавливался быстро.

Ли Жун прикусил губу, сдерживая улыбку, и с двусмысленным выражением лица окинул взглядом всё еще стоявшего под душем Цэнь Сяо.

— Кажется, у кое-кого выносливость заметно снизилась?

Он, конечно, понимал, что собеседник выжат после трехдневного марафона экзаменов, к тому же на теле Цэнь Сяо всё ещё были раны. Но Ли Жун не мог упустить редкую возможность подколоть его в таких делах.

Цэнь Сяо выключил воду и, поймав лукавый взгляд юноши, усмехнулся:

— Критика принята. Буду усерднее работать над возвращением былой формы.

Хотя никто из них не произнес этого вслух, оба прекрасно понимали, о каком «прежде» идет речь. Кадры из их прошлой жизни — те моменты безрассудной, ничем не сдерживаемой страсти — до сих пор стояли перед глазами.

Одной рукой Ли Жун придерживал край полотенца, другой — опирался на раковину. Услышав ответ, он прищурился, подхватил висящую на крючке мочалку-шарик и запустил ею в мужчину, делая вид, что сердится:

— Только попробуй!

Тот ловко перехватил «снаряд» на лету, выдавил на него гель для душа и как ни в чем не бывало принялся мыться. Ли Жун огляделся по сторонам и, не найдя больше ничего, что можно было бы бросить, недовольно фыркнул. Он набросил полотенце на голову и принялся растирать мокрые волосы.

Вытершись, он сложил полотенце у раковины и подхватил свою одежду.

— Я слишком хочу спать, пойду в спальню. Вот, когда закончишь, вытрись, — он кивнул на свое полотенце.

Цэнь Сяо, с ног до головы покрытый пеной, с трудом приоткрыл глаза под струями воды:

— Ты даже не оденешься?

Ли Жун, уже открывший дверь и даже не собиравшийся натягивать пижаму, тихо пробурчал:

— Шторы задернуты, кого мне бояться.

Зевнув, он лениво вышел из ванной, задержавшись на коврик у порога, чтобы вытереть влажные следы от тапочек.

— Сначала высуши волосы, потом ложись! — крикнул ему вдогонку Цэнь Сяо.

Юноша, не оборачиваясь, махнул рукой:

— Знаю, знаю.

Когда Цэнь Сяо израсходовал последние капли горячей воды, вытерся и вышел из ванной, он застал в спальне картину, подтвердившую его опасения. Ли Жун пропустил наставления мимо ушей: он лежал на кровати, едва прикрытый одеялом, и его ровное, глубокое дыхание свидетельствовало о том, что он уже крепко спит.

Пижамы были небрежно брошены на край постели. Парень явно провалился в сон сразу, как только вернулся в комнату, и его всё еще влажные волосы оставили на наволочке темное мокрое пятно.

Тихо вздохнув, Цэнь Сяо принялся обыскивать дом в поисках фена. К счастью, за два года совместной жизни в прошлом он досконально изучил привычки Ли Жуна. Нужная вещь обнаружилась в шкафчике над полкой для обуви.

Вернувшись в спальню, он замер, любуясь спящим. Ли Жун спал безмятежно: веки были

плотно сомкнуты, длинные ресницы подрагивали, а на щеках играл нежный румянец после горячей воды. При каждом вдохе его губы едва заметно приоткрывались.

На широкой двуспальной кровати юноша раскинулся так привольно, что занял почти всё место. Не то чтобы он сделал это нарочно — просто подушка была всего одна, и, выделив половину для Цэнь Сяо, он невольно сместился к центру.

Мужчина не впервые наблюдал за ним спящим. В прошлой жизни он бесчисленное количество раз ловил эти редкие мгновения, когда Ли Жун был спокоен и не отталкивал его, черпая в этом мимолетное утешение.

Ли Жун всегда обладал для него почти фатальной притягательностью. Даже когда он просто лежал рядом, Цэнь Сяо не мог отвести глаз.

Раньше он отчаянно сопротивлялся этому влечению. Он бесчисленное количество раз предостерегал себя: нельзя испытывать нежность или жалость к сыну Ли Цинли. Ведь как только он позволит себе полюбить, ему придет конец — он увязнет в этом чувстве навсегда.

Но человеческие эмоции не поддаются контролю. Несмотря на холодность в отношениях с Сяо Мужань, он не мог разорвать биологическую связь с ней и не мог отрицать, что их вкусы и эстетическое восприятие поразительно схожи.

Стоило ему впервые увидеть в Школе А этого воодушевленного, полного жизни юношу, как его мрачный внутренний мир начал рушиться. К гневу и ненависти примешалось нечто иное: трудноуловимый интерес, любопытство, симпатия. Это сложное переплетение чувств держало его в плену до тех пор, пока он наконец не перестал бороться с самим собой.

Ли Жун был самым сильным человеком из всех, кого он знал. Сложно было представить, как в ком-то, кто с детства купался в любви и восхищении, может зародиться такая негибкая воля.

Цэнь Сяо думал, что внезапная катастрофа сломает его. Мало кто способен выдержать шквал оскорблений, клеветы и ненависти, когда ты остаешься один против всего мира, без всякой опоры, вынужденный в одиночку переваривать эту боль.

У него не раз возникал порыв защитить Ли Жуна, вопреки всему, но ярость и неконтролируемые эмоции Сяо Мужань из-за Ли Цинли заставляли его подавлять эти потаенные чувства.

И когда он уже был уверен, что юноша на грани нервного срыва, тот вернулся в школу. Бледный, осунувшийся, но внешне — всё тот же.

В школе жизнь Ли Жуна не стала легче: место старосты занял Цуй Минъян, Мать Сун унизила

его на банкете Сун Юаньюань, и даже квоту на зачисление он не смог сохранить. Часто бывает так: когда кажется, что жизнь уже на самом дне, выясняется, что внизу есть бездна, и падать в неё можно бесконечно.

Но Ли Жун стал лучшим выпускником города в тот год. С невероятными баллами он поступил на биохимический факультет Университета А и попал в лучший класс. Словно высокоточная машина, он работал на износ, оставляя сверстников далеко позади.

Потом он попал в Исследовательский институт «Хунсо», где снова оказался на голову выше всех. Даже сам Ли Цинли в его возрасте не обладал такими достижениями.

Возможно, талант был единственной компенсацией, которую небо даровало Ли Жуну.

Цэнь Сяо помог ему попасть в «Хунсо». К тому времени тяга к Ли Жуну окончательно затмила остатки разума. Чтобы заполучить его, он был готов на всё. Он уже обладал определенной властью в Третьем районе, и даже Цэнь Цин не мог помешать его решениям.

Тогда Цэнь Цин лишь сказал:

— Своим поступком ты отправляешь его прямиком в логово тигра.

Цэнь Сяо, напряженный до предела, настороженно спросил:

— Ты что-то знаешь?..

Но отец лишь покачал головой. Третий район курировал торговлю, и их связи с исследовательским институтом были минимальными.

— Я не знаю закулисных тайн и не хочу знать, — холодно хмыкнул Цэнь Цин. — Но если бы в «Хунсо» всё было гладко, Ли Цинли и Гу Нун не закончили бы так.

Цэнь Сяо постоянно жил в страхе потери, желая запереть Ли Жуна рядом с собой, ни на шаг не отпуская. В этой слепой тревоге он забыл, что сила Ли Жуна не была результатом чьей-то защиты. Парень сам обладал волей и способностью выбираться из любой пропасти.

Он никогда не видел, чтобы Ли Жун трусливо прятался, впадал в истерику или винил в своих бедах судьбу. Он не видел, чтобы юноша жалел себя или падал духом из-за чужой клеветы. И всё же он так беззаветно любил его.

Мужчина коснулся кончиками пальцев щеки спящего, и голос его прозвучал непривычно мягко:

— Помогу тебе высушить волосы.

Ли Жун спал так крепко, что даже не шелохнулся. Цэнь Сяо пришлось устроиться на краю кровати и осторожно устроить его голову у себя на коленях. Он включил фен на самую малую мощность и принялся обдуть влажные пряди едва теплым воздухом.

Волосы Ли Жуна были тонкими и мягкими; они послушно рассыпались под пальцами, а аромат шампуня наполнял комнату.

Несмотря на все старания действовать осторожно, спящий всё же почувствовал движение. Он слегка нахмурился; потребовалось время, чтобы сонный мозг осознал происходящее. Однако он был слишком измотан, чтобы открывать глаза, и просто позволил перебирать свои волосы.

Слабый поток воздуха сушил пряди медленно. Со временем Ли Жун привык к мерному звуку и снова расслабился. Только едва заметно подрагивающие веки выдавали то, что в нём еще теплится капля сознания.

Досушив волосы, Цэнь Сяо выключил фен. Он склонился над юношей, голова которого всё еще покоилась на его бедрах, и едва слышно прошептал:

— Я люблю тебя, малыш.

Ли Жун не шевельнулся.

И когда Цэнь Сяо уже решил, что тот окончательно заснул, парень вдруг лениво потерся щекой о его бедро. Высвободив руку из-под одеяла, он обхватил мужчину за талию и сонно пробормотал:

— Угу...

<http://bllate.org/book/15351/1439092>